

співробітництво у всіх галузях і напрямках та дотримання прав людини може давати надію, що потенційно небезпечні технології майбутнього не будуть використані негуманно, безвідповідально або у військових цілях.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Трансгуманизм. [Електронний ресурс] — Режим доступу: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA>
2. Лукьянец В. С. Проблема постчеловеческого будущего / В.С. Лукьянец, О.Н. Соболев. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/555/110/>
3. Трансчеловек. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: Transhumanist Lexicon: <http://www.transhumanism.com/lexicon/>
4. Загурская Н. В. Постчеловек: положение человеческого существа в ситуации после постмодерна // Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Выпуск 3 / Под ред. В. В. Парцвания. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. — С. 245–250.
5. Постчеловечество. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/43/47/>
6. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / [Пер. с англ.]. — М.: Междунар. отношения, 2007. — 288 с.
7. Иноземцев В. Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века / В. Л. Иноземцев // Постчеловечество; [Научный редактор М. Б. Ходорковский]. — М.: Алгоритм, 2006. — С. 10–73.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; [пер. с англ. М. Б. Левина]. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 349 с.
9. Калашников М. Заметки о следующей расе / М. Калашников // Постчеловечество; [Научный редактор М. Б. Ходорковский]. — М.: Алгоритм, 2006. — С. 244–269.

Райхерт К. В. — старший преподаватель кафедры философии естественных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

УДК 81'22+316.259-042.82

МОДЕЛИ ЗНАКА Ч. С. ПИРСА И Ф. ДЕ СОССЮРА КАК СИСТЕМЫ И ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ ДВОЙСТВЕННЫХ СИСТЕМНЫХ ОПИСАНИЙ

Модель знака Ф. де Соссюра рассматривается как система с атрибутивным концептом и реляционной структурой. Модель знака Ч. С. Пирса рассматривается как система с реляционным концептом и атрибутивной структурой. Показывается, что между двумя полученными системами знака нельзя установить взаимную дополненность, так как нельзя установить между ними отношение двойственности.

Ключевые понятия: знак, система, дополненность, двойственность.

МОДЕЛІ ЗНАКУ Ч. С. ПІРСА І Ф. ДЕ СОССЮРА ЯК СИСТЕМИ І ПРИНЦИП ДОПОВНЮВАЛЬНОСТІ ДВОЇСТІСТИХ СИСТЕМНИХ ОПИСІВ

Модель знака Ф. де Соссюра розглядається як система з атрибутивним концептом і реляційною структурою. Модель знака Ч. С. Пірса розглядається як система з реляційним концептом і атрибутивною структурою. Показується, що між двома отриманими системами знака не можна встановити взаємну доповнювальність, бо не можна встановити між ними відношення двоїстості.

Ключові слова: знак, система, доповнювальність, двоїстість.

CH. S. PEIRCE'S AND F. DE SAUSSURE'S SIGN MODELS AS SYSTEM PRINCIPLES OF COMPLEMENTARITY OF DUAL SYSTEM DESCRIPTIONS

The F. de Saussure's model of sign is considered as a system with attributive concept and relative structure. The Ch. S. Peirce's model of sign is considered as a system with relative concept and attributive structure. The complementarity between the systems of sign cannot be set up because the duality between the systems of sign cannot be set up.

Keywords: sign, system, complementarity, duality.

Во введении к своей наиболее значимой работе «Язык и метод» российский лингвист и философ языка Ю. С. Степанов (1930–2012) отмечает, что философия языка, частью которой можно считать и семиотику, в мировом масштабе «представлена несколькими национальными вариантами, национальными школами, характеризующимися — каждая — своими излюбленными темами и способами работы с ними» [6, с. 11]. Этими тремя национальными школами являются англосаксонская, которая «центрируется главным образом вокруг проблем логико-лингвистической формализации языка и речевой деятельности» [6, с. 11]; французская, которая видит свой «центр интереса» в проблематике дискурса (см.: [6, с. 11]); российская, которая «характеризуется устремлением к тонкому “концептуальному анализу”, его расширениями в виде “логического анализа языка”, лингвофилософского анализа» [6, с. 11]. По мнению Ю. С. Степанова, англосаксонская и российская школы находятся в тесных отношениях друг с другом (см.: [6, с. 12]); поэтому, по моему мнению, по сути, можно говорить о двух наиболее значительных в мировом масштабе национальных школах философии языка и семиотики — англосаксонской и французской (точнее — франкофонской, потому что сюда можно включить и швейцарские школы).

В своей статье Д. Н. Ляшенко (род. 1982) «Определение понятия “знак” как проблема понимания» отмечает, что «в современных дефинициях знака повторяются определения, предложенные двумя основателями семиотики — Ч. Пирсом и Ф. Соссюром: знак — это в каком-то смысле замещающий что-то объект, и знак — это двухсторонняя психическая сущность, представляющая собой единство означающего и означаемого в рамках языковой структуры» [1, с. 51]. Автор статьи, таким образом, замечает, что в современной семиотике существуют две парадигмы определения знака: первая связана с именем американского философа Чарльза Сандерса Пирса (1839–1914), вторая — с именем швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857–1913). Эти парадигмы знака лежат в основании семиотических теорий двух национальных школ философии языка — англосаксонской, частично восходящей к Ч. С. Пирсу, и франкофонской, частично восходящей к Ф. де Соссюру.

Выделение двух парадигм знака позволяет Д. Н. Ляшенко полагать, что существуют две основные модели знака в семиотике. Это, в свою очередь, позволяет ему поставить вопрос о взаимной дополнительности этих двух моделей знака. Так как в целом исследование знака Д. Н. Ляшенко проводится в контексте разработки методологического анализа семиотического конструирования действительности на базе системно-параметрического метода и параметрической общей теории систем, он предлагает рассматривать две модели знака как системы разных типов, которые находятся друг с другом в отношении, которое регулируется принципом дополнительности двойственных системных описаний. Такая постановка вопроса, по сути, является новой как для философии языка и семиотики, так и для параметрической общей теории систем.

Тем не менее, несмотря на новизну исследования, предложенного Д. Н. Ляшенко в его статье «Определение понятия “знак” как проблема понимания», я выскажу одно важное, на мой взгляд, замечание. В ходе своего исследования Д. Н. Ляшенко рассматривает не конкретные модели знака Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра (хотя и упоминает эти два имени), а скорее — некоторые общие представления о знаке, которые берут свои начатки в семиотике Ч. С. Пирса и семиологии Ф. де Соссюра. С определённой точки зрения, такой подход можно было бы оправдать, если бы общие представления о знаке представляли собой некоторые инварианты определения знака, полученные с помощью какого-то формального языка, например, языка тернарного описания, который широко используется в параметрической общей теории систем. Однако Д. Н. Ляшенко не выявляет определённые инварианты определения знака; скорее, он даёт в некоторой степени «размытые» определения знака и возводит их к Ч. С. Пирсу и Ф. де Соссюру. Следствием этого может стать постановка вопроса о правомерности установления взаимной дополнительности между двумя моделями знака, представленными как системы разных типов.

Всё сказанное ранее, собственно, является причиной написания данной работы. В этой работе

я хочу рассмотреть вопрос: «Являются ли две модели знака (по Ч. С. Пирсу и Ф. де Соссюру) взаимно дополнительными с точки зрения параметрической общей теории систем?»

Для получения ответа на этот вопрос я должен буду сделать два шага в исследовании. Первый шаг предполагает представление конкретных моделей знака (по Ч. С. Пирсу и Ф. де Соссюру) как системы.

Здесь следует учесть, что в параметрической общей теории систем используются два типа (или модели) систем — системы с атрибутивным концептом и реляционной структурой и системы с реляционным концептом и атрибутивной структурой. Использование двух типов систем обусловлено способом их получения: сначала был проанализирован ряд известных в философии и науке определений понятия системы; некоторые из этого ряда отброшены по каким-то причинам; посредством так называемого «реляционного обобщения» на основании оставшихся определений были получены два системных инварианта. Для построения системных инвариантов были использованы две тройки категорий: «вещь» (всё то, что может быть названо), «свойство» (всё то, что описывает вещь), «отношение» (всё то, что конструирует вещь и имеет направление) и «неопределённое», «определённое», «произвольное». В результате были получены два определения:

Определение 1: «Любой объект является системой, если в этом объекте реализуется неопределённое отношение, обладающее определённым свойством» [7, с. 37].

Определение 2: «Любой объект является системой, если в этом объекте реализуется неопределённое свойство, обладающее определённым отношением» [7, с. 42].

Для описания системной модели в целом в параметрической общей теории систем используются так называемые «системные дескрипторы»: концепт (идея или цель системы), структура (форма системы), субстрат (то, из чего состоит система). В зависимости от того, выступает ли концепт как свойство или отношение, а структура — как отношение или свойство, говорят о системах с атрибутивным концептом и реляционной структурой или о системах с реляционным концептом и атрибутивной структурой. Определение 1 есть определение системы с атрибутивным концептом и реляционной структурой, а определение 2 есть определение системы с реляционным концептом и атрибутивной структурой.

Второй шаг предполагает сопоставление полученных систем с целью установления взаимной дополнительности между ними на основании принятого в параметрической общей теории систем принципа дополнительности двойственных системных описаний или же обоснование невозможности такого действия.

Модель знака (по Ф. де Соссюру) как система с атрибутивным концептом.

Знак (по Ф. де Соссюру) уже рассматривался как система в других моих статьях [3; 4]; здесь мне остаётся только воспроизвести то, что было сказано в них.

Согласно Ф. де Соссюру, структура знака, в рамках которой и по сей день остаётся ряд структурных семиотиков, такова:

означающее/означаемое
значение
значимость

Здесь *означающее* — то, что в знаке доступно восприятию (зрению или слуху), например, звуковое сочетание из четырех фонем: с-л-у-х (слух), а *означаемое* — смысловое содержание в знаке, переданное означающим как посредником (см.: [5, с. 68–70]). Отсюда, кстати, определение Ф. де Соссюром знака как «целого, являющегося результатом ассоциации означающего (*акустического образа*) и означаемого (*понятия*)» [5, с. 69]. *Значение* — отношение между означающим и означаемым (см.: [5, с. 117]). *Значимость* — это то, что позволяет знаку «быть тем, чем не являются другие [знаки]» [5, с. 117], то есть то, что отличает знак от другого знака (или других знаков). Такое отличие носит чисто функциональный и относительный характер.

Представляя соссюровский знак в качестве системы в рамках параметрической общей теории систем, легко увидеть, что означаемое и означающее здесь выступают как элементы субстрата системы.

Выбор же концепта данной системы зависит от того, какой из двух известных в параметрической общей теории систем типов систем — система с атрибутивным концептом и система с реляционным концептом — необходимо рассмотреть. Ф. де Соссюр рассматривает язык не только как систему знаков (см.: [5, с. 31]), но и как систему значимостей (см.: [5, с. 82]). Это позволяет полагать значимость в качестве концепта системы «знак» (по Ф. де Соссюру). Так как значимость определяет значение знака (отношение между означаемым и означающим), то речь идёт об

атрибутивном концепте и, соответственно, системе с атрибутивным концептом и реляционной структурой. Другими словами: положение знака по отношению к другим знакам определяет его значимость, то есть делает значимость определённой (фиксированной), что, в свою очередь, позволяет значимости образовывать из означаемого и означающего некоторое значение знака. В этом случае можно получить следующую схему:

(Знак) Система с атрибутивным концептом и реляционной структурой =_{df} ([Значение (*Означаемое · Означающее)]) **Значимость**

Данная схема является аналогом выражения определения системы с атрибутивным концептом и реляционной структурой на языке тернарного описания: $(\mathbf{1A})S =_{df} ([\mathbf{a}(*\mathbf{1A})])t$. Как это принято в языке тернарного описания, в схеме вещь помещена в круглые скобки; справа от круглых скобок записывается свойство, слева — отношение. Использование астериска (звёздочки) означает, что чтение схемы нужно начинать не с вещи, а с отношения или свойства. Точка посередине — это знак связного списка.

В связи с этим данная схема читается так: «Знак обладает свойством быть системой с атрибутивным концептом и реляционной структурой тогда, когда значение, присущее и означаемому, и означающему вместе взятым, обладает заранее заданной значимостью».

Модель знака (по Ч. С. Пирсу)

как система с реляционным концептом.

В своей «Спекулятивной грамматике» Ч. С. Пирс определяет понятие знака следующим образом: «Знак, или *репрезентамен*, есть нечто, что замещает собой нечто другое для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создаёт в уме этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создаёт, я называю *интерпретантом* первого знака. Знак замещает собой нечто, свой *объект*. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но отсылает к некоторой *идее*, которую я иногда называю *основанием репрезентамена*» [9, с. 229].

Из приведённого пассажа ясно, что знак (по Ч. С. Пирсу) состоит из трёх элементов — интерпретанта, объекта и основания репрезентамена (идеи). Эти три элемента можно считать субстратом системы «знак».

В качестве структуры, которая составляется из данных элементов, можно считать репрезентамен. Я полагаю репрезентамен в качестве структуры системы «знак» на основании следующего фрагмента: «Знак есть *репрезентамен*, один из *интерпретантов* которого есть познавательная способность ума. Не исключено и существование репрезентаменов, не являющихся знаками. Так, если подсолнечник, всегда обращающий свой цветок к солнцу, посредством самого этого действия становится способным без каких-либо дополнительных условий воспроизводить подсолнечник, точно таким же образом поворачивающий свой цветок к солнцу, и при этом сохранять воспроизводящую способность неизменной, то подсолнечник может стать репрезентаменом солнца. Однако мысль есть главный, если не единственный, способ репрезентации» [9, с. 275]. В этом фрагменте сказано, что знак является видом репрезентамена.

Теперь следует выяснить, при каких условиях репрезентамен реализуется на интерпретанте, объекте и основании репрезентамена вместе взятых в качестве знака. Эти условия и будут концептом системы «знак».

В той же «Спекулятивной грамматике» Ч. С. Пирс даёт другое определение знака, которое дополняет содержание приведённого ранее: «Знак, или *репрезентамен*, есть *Первое*, что находится в таком реальном отношении со *Вторым*, называемым *объектом*, что способно определять *Третье*, называемое *интерпретантом*, чтобы обрести то же самое тройное отношение к его объекту, в котором он находится сам по отношению к самому объекту. Тройное отношение реально, то есть его три члена связаны им так, что не могут содержаться в какой бы то ни было совокупности из двойных отношений» [9, с. 274–275].

Данное определение показывает, что тройное отношение («Первое — Второе — Третье») определяет, что репрезентамен реализуется на интерпретанте, объекте и основании репрезентамена в качестве знака.

Так как в качестве концепта системы «знак» (по Ч. С. Пирсу) выступает тройное отношение, концепт этой системы следует считать реляционным. Это, в свою очередь, принуждает меня полагать репрезентамен как атрибутивную структуру.

Таким образом, «знак» (по Ч. С. Пирсу) есть система с реляционным концептом и атрибутивной структурой, в которой концептом системы является тройное отношение («Первое —

Второе — Третье»), структурой системы — репрезентамен, субстратом системы — интерпретант, объект, основание репрезентамена.

В этом случае можно получить следующую схему:

(Знак) Система с реляционным концептом и атрибутивной структурой =_{df} **Отношение «Первое — Второе — Третье»** $[(\text{Объект} \cdot \text{Интерпретант} \cdot \text{Основание репрезентамена}^*) \text{ Репрезентамен}]$

Данная схема является аналогом выражения определения системы с реляционным концептом и атрибутивной структурой на языке тернарного описания: $(\mathbf{IA})S =_{df} \mathbf{t}([\mathbf{(IA^*)a}])$ и читается так: «Знак обладает свойством быть системой с реляционным концептом и атрибутивной структурой тогда, когда репрезентамен, присущий и объекту, и интерпретанту, и основанию репрезентамена вместе взятым, обладает заранее заданным отношением “Первое — Второе — Третье”».

Системы «знак»

и принцип дополнительности двойственных системных описаний.

Принцип дополнительности двойственных системных описаний является одним из четырёх принципов системного описания в параметрической общей теории систем. Остальные три принципа — это: универсальности, относительности, двойственности.

Принцип дополнительности формулируется следующим образом: «Полное системное представление об объекте может быть получено только благодаря использованию двух, двойственных друг другу, системных моделей в качестве дополнительных друг другу» [7, с. 43].

Обычно принцип дополнительности двойственных системных описаний объясняется через пример корпускулярно-волнового дуализма (двойственности) света.

Известно, что в релятивистской концепции Альберта Эйнштейна (1879–1955) свет рассматривается как корпускула, частица, и описывается уравнением: $E = m \times c^2$, где E — энергия, m

— масса, c — скорость света в вакууме, равная 299 792 458 м/с. В своей квантовой теории Макс Планк (1858–1947) рассматривает свет как волну и описывает его с помощью уравнения: $E = h \times \nu$,

где E — энергия, ν — частота излучения в Гц, h — постоянная Планка ($h = 6,626\,069\,57(29) \times 10^{-34}$

Дж $\times$ с). В своей диссертации «Исследования по квантовой теории» (1924 г.) Луи де Бройль (1892–

1987) устанавливает равенство между $E = h \times \nu$ М. Планка и $E = m \times c^2$ А. Эйнштейна в виде: $h \times \nu$

$= m \times c^2$ (см.: [8, с. 14]). Таким образом, Л. де Бройль устанавливает корпускулярно-волновую

двойственность света, объясняя её симметрией между $E = h \times \nu$ и $E = m \times c^2$.

В параметрической общей теории систем эта двойственность регулируется принципом двойственности системного описания, конечно же, при условии, что корпускула света и волна света рассматриваются как разные системы. На практике это означает, что между корпускулой света и волной света устанавливается аналогия через изоморфизм. Аналогия через изоморфизм выглядит как логическое рассуждение следующего вида: $\{a(*\mathbf{ia} \cdot \mathbf{ia}), \mathbf{ia}(\mathbf{ia})\} \rightarrow \mathbf{ia}(\mathbf{ia})$ (см.: [2]). Здесь в качестве большей посылки выступает $a(*\mathbf{ia} \cdot \mathbf{ia})$, где a есть отношение, присущее $\mathbf{ia}$ и $\mathbf{ia}$ вместе взятым: в случае со светом a есть симметрия между $h \times \nu$ и $m \times c^2$; в качестве меньшей посылки выступает $\mathbf{ia}(\mathbf{ia})$, где $\mathbf{ia}$ — это отношение, выражаемое E , а $\mathbf{ia}$ — это $h \times \nu$; наконец, в качестве вывода выступает $\mathbf{ia}(\mathbf{ia})$, где $\mathbf{ia}$ — это отношение, выражаемое E , а $\mathbf{ia}$ — это $m \times c^2$. Всё это вместе означает следующее: если существует симметрия между $h \times \nu$ и $m \times c^2$ и $h \times \nu = E$, то и $m \times c^2 = E$. При изоморфизме возможен и обратный вариант: если существует симметрия между $h \times \nu$ и $m \times c^2$ и $m \times c^2 = E$, то $h \times \nu = E$. Здесь важно, что соблюдается главное условие правомерности отождествления отношений в модели $\mathbf{ia}$ и прототипе $\mathbf{ia}$ при аналогии типа изоморфизм — условие однозначности

соответствия, согласно которому коррелятор $a(*ia \cdot iia)$, то есть отношение, которое охватывает модель и прототип вместе взятые, сопоставляет каждому элементу модели один и только один элемент прототипа.

История физики показывает, что конкуренция между способами представления элементарных частиц света — корпускулярным и волновым закончилась открытием так называемого «принципа дополнительности» Нильса Бора, в рамках которого оба способа признаются односторонними, исключающими, но в то же самое время и дополняющими друг друга. И хотя в некоторых случаях оказывается удобнее пользоваться одним из способов: в акустике и оптике — волновым, а в теории элементарных частиц — корпускулярным, тем не менее, полное системное представление об объекте можно получить только тогда, когда будут использованы обе, двойственные друг другу, системные модели, которые к тому же оказываются ещё и дополнительными друг другу: «Различие решаемых задач определяет выбор атрибутивного или реляционного концепта и соответствующих им системных моделей любых объектов. Каждый из этих типов моделей определяет свои углы зрения, их нельзя смешивать, как нельзя смешивать корпускулу с волной» [7, с. 43].

Здесь следует учитывать, что принцип дополнительности двойственных системных описаний в параметрической общей теории систем никаким формальным способом не подкрепляется, в отличие от принципа двойственности системного описания, опирающегося на выводы по аналогии через изоморфизм. Принцип дополнительности носит, скорее, характер эвристической эффективности, как когда-то носил принцип двойственности в проективной геометрии. Несмотря на этот момент, можно полагать, что важнейшим условием правомерности применения принципа дополнительности двойственных системных описаний является применение принципа двойственности системного описания. Эти два принципа оказываются взаимосвязаны друг с другом.

Из всего сказанного выше вытекает, что для того, чтобы установить взаимную дополнительность между моделью знака Ч. С. Пирса как системы с реляционным концептом и атрибутивной структурой и моделью знака Ф. де Соссюра как системы с атрибутивным концептом и реляционной структурой, необходимо сначала установить, являются ли данные модели двойственными по отношению друг к другу. И здесь возникает одна трудность. Дело в том, что за принципом двойственности системного описания стоят выводы по аналогии через изоморфизм. Это означает, что необходимо установить аналогию типа изоморфизм между моделями знака Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра. И это оказывается невозможным, так как не соблюдается условие однозначности соответствия: в знаке Ч. С. Пирса содержатся три элемента: объект, интерпретант и основание репрезентатива, а в знаке Ф. де Соссюра — всего два: означаемое и означающее. Очевидно, что здесь невозможно сопоставление каждому элементу модели одного и только одного элемента прототипа.

Отсюда следует, что если невозможно установить двойственность между моделью знака Ч. С. Пирса как системы с реляционным концептом и атрибутивной структурой и моделью знака Ф. де Соссюра как системы с атрибутивным концептом и реляционной структурой, то невозможно установить взаимную дополнительность между ними.

Итак, ответом на вопрос, который был поставлен в начале данной работы: «Являются ли две модели знака (по Ч. С. Пирсу и Ф. де Соссюру) взаимно дополнительными с точки зрения параметрической общей теории систем?» является следующее: с точки зрения параметрической общей теории систем модель знака Ч. С. Пирса и модель знака Ф. де Соссюра не являются взаимно дополнительными. По сути, этот ответ является закономерным с точки зрения истории семиотики, так как семиотика Ч. С. Пирса была детерминирована исследованиями в области логики и естественных наук (математики, химии, физики, геодезии), в то время когда семиология Ф. де Соссюра была детерминирована гуманитарными науками (лингвистикой, психологией, социологией). Другими словами: несмотря на сходство теоретических подходов семиотики и семиологии, их различное происхождение и параллельное развитие, в том числе и в понимании знака, создают напряжение между общими для них познавательными интересами и различными эпистемологическими посылами, что не позволяет согласовать эти теории знаков друг с другом без дальнейших дискуссий.

В контексте исследований по разработке методологического анализа семиотического конструирования действительности на базе параметрической общей теории систем, проводимых Д. Н. Ляшенко, полученный мной результат возвращает к вопросу о выявлении некоторых инвариантов определения знака с помощью какого-нибудь формального языка, например, языка тернарного описания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ляшенко Д. Н. Определение понятия «знак» как проблема понимания [Текст] / Дмитрий Николаевич Ляшенко // Перспективы. — 2011. — № 1. — С. 50–55.
2. Райхерт К. В. Аналогия типа изоморфизм и принцип двойственности в параметрической общей теории систем [Текст] / Константин Вильгельмович Райхерт // Наукове пізнання. Методологія та технологія. — 2009. — № 1. — С. 103–108.
3. Райхерт К. В. О значимости концепта в параметрической общей теории систем [Текст] / Константин Вильгельмович Райхерт // Параметрическая общая теория систем и её применения: сборник трудов, посвящённый 80-летию профессора А. И. Уёмова / под общ. ред. А. Ю. Цофнаса. — Одесса : Астропринт, 2008. — С. 71–79.
4. Райхерт К. В. Фердинанд де Соссюр и параметрическая общая теория систем. Знак и система [Текст] / Константин Вильгельмович Райхерт // Перспективы. — 2009. — № 1. — С. 126–129.
5. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / Фердинанд де Соссюр; редакция Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина; Т. Де Мауро. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / пер. с франц. С. В. Чистяковой; под общ. ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. — 432 с.
6. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка [Текст] / Юрий Сергеевич Степанов. — М. : Языки русской культуры, 1998. — 784 с.
7. Уёмов А. Общая теория систем для гуманитариев [Текст] / А. Уёмов, И. Сараева, А. Цофнас. — Варшава : Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001. — 276 с.
8. Broglie de, L. Recherches sur la Théorie des Quanta [Texte] // Annales de Physique. — 10 Serie. — Tome 3. — Janvier-Février 1925. — P. 1–111.
9. Peirce Ch. S. Speculative Grammar [Text] // Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Volume 2. Elements of Logic / ed. by C. Hartshorne and P. Weiss. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1960. — P. 219–244.

Русяева М. В — кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии философского факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

УДК 130.2

ОБРАЗНО-СТИЛЕВЫЕ ПАРАДИГМЫ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИНСТРУМЕНТАЛИЗМА («ВОЕННЫЕ» СИМФОНИИ А. ОНЕГГЕРА)

В статье исследуются основные композиционно-стилистические приемы «военных» симфоний А. Онеггера в контексте образно-стилевой парадигмы современной культуры. Выделяются ее характерные черты, нашедшие проявление в музыкальном искусстве. Подчеркивается типичность целого ряда приемов воплощения трагического в музыке для середины XX века в инструментально-симфонических жанрах в послевоенные годы в искусстве Франции.

Ключевые слова: образно-стилевая парадигма, музыка, симфония, программность, хорал.

ОБРАЗНО-СТИЛЬОВІ ПАРАДИГМИ КУЛЬТУРИ XX СТОЛІТТЯ В КОНТЕКСТІ ФРАНЦУЗЬКОГО ІНСТРУМЕНТАЛІЗМУ («ВІЙСЬКОВІ» СИМФОНІЇ А. ОНЕГГЕРА)

У статті досліджуються основні композиційно-стилістичні прийоми «військових» симфоній А. Онеггера в контексті образно-стильової парадигми сучасної культури. Виділяються її характерні риси, що знайшли прояви у музичному мистецтві. Підкреслюється типовість цілого ряду прийомів втілення трагічного в музиці для середини XX століття в інструментально-симфонічних жанрах в післявоєнні роки в мистецтві Франції.

Ключові слова: образно-стильова парадигма, музыка, симфонія, програмність, хорал.

STYLE AND STYLISTIC PARADIGM CULTURE OF XX CENTURY IN THE CONTEXT OF FRENCH INSTRUMENTALISM ("MILITARY" SYMPHONY A. HONEGGER)

The article is devoted to the analysis of the main compositional and stylistic methods of the A. Honegger's "war" symphonies in the context of image-style paradigm of contemporary culture at the turn of